

АЙРИС ТОРН

ОРИГАМИ КУКЛОВОДА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Айрис Торн

Оригами кукловода

<https://litres.ru/73895861>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вивьен:

«Моя специализация — чистота. Я умею выводить пятна крови и стирать следы там, где полиция бессильна. Но как отмыть память? Кукловод прислал оригами, и мой стерильный мир рухнул. Пришло время вернуться в ад, который нас создал».

Кайден:

«Три года я жил чужой жизнью, притворяясь копом и защищая тебя. Но наше прошлое — это не папка в архиве, это цепной пес, который сорвался с поводка. Мы либо вместе перережем нити, либо станем экспонатами в его коллекции. Ты готова снова войти в ту же клетку, Вив?»

Содержание

WARNING / ТРИГГЕРЫ	5
PLAYLIST	6
Глава 1. Вивьен	7
Глава 2. Кай	11
Глава 3. Вивьен	15
Глава 4. Кай	19
Глава 5. Вивьен	23
Глава 6. Кай	26
Глава 7. Вивьен	29
Глава 8. Кай	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Айрис Торн

Оригами кукловода

«Я не помню, как мы умирали в первый раз. Но я сделаю всё, чтобы мы выжили во второй».

— Кайден.

WARNING / ТРИГГЕРЫ

Психологическое насилие: манипуляции со стороны Кукловода, газлайтинг и игры с памятью.

Посттравматическое расстройство: детальное описание последствий длительной изоляции и депривации.

Насилие и жестокость: сцены физических истязаний, кровь и описание травм.

Стокгольмский синдром (искаженный): созависимые, болезненные отношения, рожденные в условиях выживания.

Амнезия и потеря идентичности: принудительное стирание личности и навязывание ложных воспоминаний.

Темы плена: длительное удержание против воли.

Сцены 18+: откровенный контент, приправленный мрачной атмосферой и морально серыми поступками героев.

Примечание: Эта история не о любви в привычном понимании. Это история о выживании двух сломанных людей, чьи судьбы были смяты чужими руками. Читайте на свой страх и риск.

PLAYLIST

Lana Del Rey — Dark Paradise

Linkin Park — Waiting for the End

Halsey — Control

Deftones — Change (In the House of Flies)

Bring Me The Horizon — Can You Feel My Heart

Sleep Token — The Night Does Not Belong To God

Kordhell — Murder in My Mind

DVRST — Close Eyes

Bad Omens — Just Pretend

Two Feet — Love Is a Bitch

Nine Inch Nails — Closer

Chris Grey — Let The World Burn

Phonky Tribu — Casper

Lana Del Rey — Cruel World

Linkin Park — Castle of Glass

Глава 1. Вивьен

Есть три вещи, которые я искренне ненавижу: дешевый кофе, плохую музыку и когда на моем рабочем месте топчутся посторонние. Особенно если эти «посторонние» носят значок, туфли из прошлогодней коллекции и выражение лица «я — закон, а ты — недоразумение».

Я аккуратно смахнула невидимую пылинку с воротника своего угольно-черного тренча и посмотрела на тело, раскинувшееся на персидском ковре. Бедняга мистер Андерсон. Он так старался выглядеть аристократично при жизни, но смерть — дама без чувства такта. Она оставила его в позе сломанной марионетки, а его коллекционное вино «Шато Марго» 82-го года теперь живописно смешивалось с чем-то гораздо более биологическим.

— Какая безвкусица, — прошептала я, доставая из саквояжа флакон с хитрым составом, который разъедает ДНК быстрее, чем общественное мнение — репутацию политика. — Марго, серьезно? К такому оттенку красного больше подошло бы что-то из Бордо.

Я включила в наушниках старый добрый гранж. Грязные

гитарные риффы идеально ложились на стерильную тишину пентхауса. Я уже приготовилась совершить магию — превратить место бойни в чистый лист, на котором копы найдут разве что запах ландышей и мое высокомерие.

Но дверь за моей спиной скрипнула. Не так, как скрипит она от сквозняка, а с тем самым тяжелым, властным звуком, который издает обувь человека, привыкшего выбивать двери ногами.

Я не обернулась. Я просто закрыла флакон.

— Миллер, — вздохнула я, чувствуя, как по затылку пробежал холодок, который я бы предпочла называть раздражением, а не предвкушением. — Ты опоздал. Я уже почти выбрала, в какой цвет перекрасить этот позор.

— Сент-Клер, — раздался низкий, вибрирующий голос, от которого у нормальных женщин подкашиваются ноги, а у меня обычно дергается глаз. — Отойди от трупа. Ты загориваешь мне улику.

Я медленно повернулась, приподняв одну бровь. Кайден Миллер стоял в дверях, привалившись плечом к косяку. Высокий, чертовски холодный и одетый так, будто собрался на похороны своего последнего проблеска человечности. Его

глаза — цвета арктического льда — сканировали комнату с эффективностью терминатора.

— Улику? — я усмехнулась, снимая один наушник. — Кай, дорогой, здесь нет улик. Здесь есть только трагическая случайность и мой безупречный вкус. И, кстати, твои ботинки. Ты только что наступил на брызги, которые могли бы рассказать нам о траектории полета пули, но теперь они рассказывают только о твоём 44-м размере и полном отсутствии уважения к чужому труду.

Он сделал шаг вперед, сокращая дистанцию так бесцеремонно, что я почувствовала запах его парфюма — морозная хвоя и металл.

— Мои ботинки — это меньшая из твоих проблем, Вивьен, — он остановился в паре сантиметров от меня, глядя сверху вниз. — На этот раз твой «клининг» не поможет. Убийца оставил подарок специально для тебя.

Он протянул руку в латексной перчатке. На ладони лежал крошечный бумажный ворон, сложенный с хирургической точностью.

— Оригами? — я прищурилась, стараясь, чтобы мой голос не дрогнул. — Как мило. У меня появился тайный по-

клонник, а ты ревнуешь?

— Этот поклонник только что прислал мне в офис твои детские фото, — Кай наклонился к самому моему уху, и его дыхание обожгло кожу. — Те самые, где ты стоишь на фоне горящего дома в Массачусетсе. Так что убери свою хлорку, Вив. Мы едем в участок.

Я посмотрела на бумажную птицу, потом на его идеально выбритую челюсть и поняла: мой вечер официально перестал быть томным.

— Только если ты позволишь мне выбрать музыку в машине, — отрезала я, подхватывая саквояж. — Твой плейлист из полицейских сводок и депрессивного джаза меня убивает.

— Садись в машину, Сент-Клер, — Кайдэн развернулся, даже не глядя, иду ли я следом. Он знал, что иду. Потому что когда прошлое начинает складывать птичек из бумаги, единственное место, где ты можешь спрятаться — это рядом с дьяволом, которого ты знаешь лично.

Глава 2. Кай

Вивьен Сент-Клер — это биологическая угроза, завернутая в шелк от «Gucci».

Я смотрел, как она идет к моей машине, чеканя шаг своими шпильками по асфальту Сиэтла, и чувствовал, как в висках начинает пульсировать знакомая мигрень. Она не просто «чистильщик». Она — системная ошибка в моем идеально выверенном мире. Пока я пытаюсь навести в этом городе порядок, она приходит с флаконом щелочи и стирает все знаки препинания, превращая уголовное дело в бессвязный набор букв.

Я открыл переднюю дверь своего «Доджа». Вивьен запрыгнула внутрь, и салон мгновенно заполнился запахом ландышей и какой-то едкой химии.

— Пристегнись, — бросил я, заводя мотор.

— О, Кайден, — она лениво потянулась за ремнем, и я краем глаза заметил, как блеснули её тонкие запястья. — Ты так заботаешься о моей безопасности. Неужели боишься потерять своего единственного ценного свидетеля до того, как

мы доберемся до участка?

— Я боюсь, что при резком торможении ты вылетишь через лобовое стекло и испортишь мне покраску, — отозвался я, выруливая со стоянки. — Твоя голова слишком твердая для этого стекла.

Я чувствовал её взгляд. Она не смотрела в окно на огни ночного города. Она изучала меня. Так патологоанатом изучает интересный разрез.

— Ты нервничаешь, Кай, — её голос стал тише, лишившись своей привычной колючей иронии. — Твои пальцы на руле сжаты так сильно, что костяшки побелели. Дело не только в оригами, верно? Что было в том письме?

Я промолчал. В папке на заднем сиденье лежали три снимка. На первом — Вивьен в возрасте пяти лет на фоне пылающего особняка в Новой Англии. На втором — мой первый жетон, залитый кровью моего наставника. На третьем — мы оба, снятые сегодня утром через объектив снайперской винтовки, когда мы завтракали в разных концах города.

Убийца не просто знал нас. Он нас коллекционировал.

— Кукловод играет в ассоциации, — наконец произнес я, резко сворачивая в сторону промзоны, подальше от центрального управления.

— Участок в другой стороне, — заметила она, прищурившись. — Ты что, решил похитить меня? Это немного старомодно даже для тебя, Миллер. Где наручники? Где подвал с цепями?

— Наручники в бардачке, если тебе так не терпится, — отрезал я. — В управлении «крот». Тот, кто прислал мне фото, знал код моего личного сейфа. Я не могу отвезти тебя туда.

Вивьен замолчала. Я видел, как её мозг лихорадочно обрабатывает информацию. Она была умна — пугающе умна для женщины, чьим основным хобби было выведение пятен крови с итальянского мрамора.

— Значит, мы в бегах? — в её голосе вдруг прорезалось что-то похожее на азарт. — Детектив-отступник и королева швабры против всего мира? Кай, это звучит как сценарий очень плохого фильма, который я бы посмотрела только ради того, чтобы посмеяться над тем, как нелепо главный герой держит пистолет.

— Это не фильм, Вив. Это реальность, в которой нас обо-их хотят превратить в инсталляции.

Я затормозил у заброшенного склада на окраине порта. Здесь, среди ржавых контейнеров и криков чаек, у меня было временное убежище, о котором не знал даже мой капитан.

— Выходи, — скомандовал я.

— Только после тебя, — она лучезарно улыбнулась, но я заметил, как её рука незаметно скользнула в карман тренча, где она наверняка держала баллончик с чем-то гораздо более опасным, чем слезоточивый газ. — Дамы вперед — это правило для живых людей. А в этой дыре я предпочитаю, чтобы твой широкий затылок служил мне щитом.

Я вышел из машины, чувствуя, как холодный ветер с залива бьет в лицо. Игра началась. И судя по тому, как весело блестели глаза Вивьен в свете фар, она уже планировала, как обставит нашу общую могилу в готическом стиле.

Глава 3. Вивьен

Склад пах сыростью, машинным маслом и безнадегой. Если бы я выбирала место для своего последнего пристанища, я бы как минимум добавила сюда пару бархатных портьер и вынесла этот ужасный стеллаж с ржавыми запчастями. Но Кайден Миллер, очевидно, считал, что «уют» — это когда на тебя не падает крыша.

— Очаровательно, Кай, — я демонстративно провела пальцем в черной перчатке по капоту какого-то древнего байка. — Стиль «пост-апокалиптический минимализм». Очень смело. Здесь мы будем встречать рассвет или сразу перейдем к взаимным обвинениям в разрушенных жизнях?

Он не ответил. Он запер дверь на три засова, и звук металла, входящего в пазы, прозвучал в тишине склада как выстрел. Кай сбросил свое пальто на колченогий стул и подошел к столу, на котором стоял единственный монитор, окруженный стопками бумаг.

— Вив, присядь и хотя бы минуту побудь серьезной, — его голос звучал так, будто он пытался переварить пачку битого стекла. — У нас есть двенадцать часов до того, как нас

объявят в розыск. Мой капитан не дурак, он быстро поймет, что я не просто так исчез с места преступления вместе с главной подозреваемой.

Я присела на край стола, скрестив ноги.

— Подозреваемой? Как грубо. Я предпочитаю термин «незаменимый эксперт по утилизации».

Я смотрела, как он подсвечивает фотографии на мониторе. В свете экрана его лицо казалось высеченным из серого гранита. Кай всегда был слишком правильным. Слишком симметричным. Даже его ярость была какой-то упорядоченной, упакованной в строгий костюм. Это бесило меня больше всего. Мне всегда хотелось плеснуть на эту безупречную картинку немного яркой, хаотичной краски. Или кислоты.

— Посмотри на это, — он указал на снимок оригами-ворона под микроскопом. — Бумага. Это не обычная офисная бумага. Это страницы из старого медицинского справочника по психиатрии. Издание 1974 года.

Я замерла. Шпилька моего сапога перестала мерно покачиваться в воздухе.

— И что? Убийца — начитанный псих. В Америке это

почти мейнстрим, Кай.

— Дело в содержании страницы, из которой сложено крыло, — он увеличил изображение. — Глава о пиромании. И там, на полях, от руки написано имя. Твоё настоящее имя, Вивьен. Которое не значится ни в одной базе данных, кроме секретного архива клиники «Блэквуд».

Холод в животе превратился в ледяной ком. Я заставила себя усмехнуться, хотя губы вдруг стали сухими.

— Кажется, мой фан-клуб расширяется. Может, он хочет автограф?

Кай резко развернулся. Он оказался в моем личном пространстве так быстро, что я не успела даже моргнуть. Его руки уперлись в стол по обе стороны от моих бедер, запирая меня в ловушку из его запаха и подавляющей энергии.

— Перестань паясничать! — рявкнул он. — Ты понимаешь, что он знает про Массачусетс? Он знает про огонь. И он знает, почему ты сменила фамилию. Если я не вытащу из тебя правду сейчас, следующая птичка будет сложена из твоей собственной кожи.

Я посмотрела ему прямо в глаза. Арктический лед против

тлеющих углей.

— Моя кожа слишком дорогая для оригами, дорогой, — прошептала я, сокращая те немногие миллиметры, что нас разделяли. — А правда... правда тебе не понравится. Ты ведь любишь порядок, Кай. А моя жизнь — это хаос, который я просто очень тщательно прикрываю чистыми простынями.

Я протянула руку и медленно поправила его галстук.

— Если хочешь играть в эту игру, приготовься испачкаться. Потому что в «Блэквуде» не лечили людей. Там их учили быть такими, как я. И, судя по всему, такими, как этот парень с бумажными птицами.

Кай не отстранился. Напротив, я почувствовала, как его дыхание участилось. В этом мрачном складе, под звуки дождя, бьющего по железной крыше, мы оба были монстрами, которые пытаются притвориться людьми.

— Рассказывай, — приказал он. — С самого начала. С того самого дня, когда всё началось.

Глава 4. Кай

Стук дождя по железной крыше склада напоминал барабанную дробь перед казнью. Я смотрел на Вивьен, и в моей голове не укладывалось, как в этой хрупкой женщине с манерами оперной дивы может уместиться столько яда.

Она сидела на столе, лениво рассматривая свои безупречные ногти, пока я пытался собрать осколки дела, которое грозило похоронить нас обоих.

Я знал о ней больше, чем она думала, но меньше, чем мне было необходимо для выживания. Мое знакомство с делом Сент-Клер началось не три года назад в зале суда, а гораздо раньше — в архивах ФБР, которые официально считались уничтоженными после пожара в штаб-квартире. Там, в обгоревших папках, я нашел отчет о клинике «Блэквуд».

Это место не было больницей в привычном смысле слова. Это был инкубатор. И Вивьен была его самым ярким продуктом.

— Ты думаешь, я вытащил информацию о «Блэквуде» из утренней газеты? — я отошел к окну, всматриваясь в темно-

ту порта. — Десять лет назад, когда я еще был зеленым агентом с идеалистическими представлениями о справедливости, мне поручили описать улики по делу о поджоге в Массачусетсе. Там было поместье. Огромный викторианский склеп, который кто-то превратил в частную лабораторию.

Я обернулся. Вивьен замерла, её пальцы застыли на воротнике тренча.

— Официальная версия гласила: несчастный случай, неисправная проводка, — продолжал я, понизив голос. — Но на фотографиях пепелища я увидел кое-что странное. На снегу, в сотне метров от горящего дома, сидела девочка. Она не плакала. Она не звала на помощь. Она просто смотрела на огонь с таким выражением лица, будто оценивала качество постановки в театре.

Я подошел к ней вплотную, заставив её поднять голову.

— В протоколе было указано, что выживших нет. Но я запомнил это лицо. Эти глаза. И когда три года назад я увидел тебя на месте преступления в Бостоне — в центре идеально вычищенной комнаты, где только что произошло двойное убийство — я понял, что мертвецы имеют привычку возвращаться.

Вивьен усмехнулась, но в этой усмешке не было радости. Только лезвие.

— Ты всегда был слишком наблюдательным, Кай. Это твоё проклятие. Числа, факты, лица... Ты коллекционируешь их, как старые монеты, надеясь, что когда-нибудь они составят целую картину.

— Картина уже складывается, — я ударил ладонью по столу рядом с ней. — Крошечный ворон, сложенный из страницы справочника. Пожар в Массачусетсе. Ты, скрывающаяся под чужим именем. И я, который влез в это дерьмо по самые уши, потому что три года назад не сдал тебя властям, а решил поиграть в спасителя.

Я вытащил из внутреннего кармана сложенный вчетверо листок. Тот самый, из моего сейфа.

— Убийца прислал это не просто так. Он знает, что я прикрывал тебя. Он знает, что я подделал отчет по тому делу в Бостоне, чтобы вывести тебя из-под удара. Для него мы — два соучастника.

Я развернул лист. На нем была всего одна фраза, написанная каллиграфическим почерком: «Огонь очищает, но правда оставляет ожоги. Возвращайтесь домой, дети Блэквуда».

— Домой? — голос Вивьен дрогнул, едва заметно, на грани слышимости.

— Он ждет нас там, где всё началось. В Массачусетсе. И если мы не поедem туда сами, он продолжит заваливать Сиэтл трупами, пока полиция не придет за тобой — или за мной.

Я взял её за подбородок, заставляя смотреть прямо на меня. В этот момент я ненавидел её за то, что она втянула меня в свой личный ад, и одновременно ненавидел себя за то, что готов был пойти за ней до самого конца.

— Скажи мне только одно, Вив. Та девочка на снегу... Она сама чиркнула спичкой?

Она молчала долго. Так долго, что я успел сосчитать удары её пульса на тонкой шее.

— Кайдeн Миллер, — наконец произнесла она, и её глаза блеснули чем-то, что было гораздо страшнее страха. — Ты действительно хочешь знать ответ? Потому что как только я его произнесу, твоя чистая совесть сгорит так же быстро, как тот старый дом.

Глава 5. Вивьен

Кайден Миллер — человек, который верит в логику так же сильно, как другие верят в Бога. Он думает, что если собрать все детали пазла, картинка станет ясной и понятной. Он не понимает одного: некоторые пазлы созданы из битого стекла, и, пытаясь собрать их, ты просто истекаешь кровью.

Я смотрела в его ледяные глаза и чувствовала, как прошлое, которое я так старательно замуровывала в бетон, дает трещину.

— Мне было девять, Кай, — мой голос прозвучал на удивление ровно, почти обыденно. — В девять лет дети обычно боятся темноты под кроватью. Я же боялась того, что сидело внутри меня. Моя «семья»... они не были плохими людьми в обычном понимании. Они были просто... экспериментаторами. Папа верил, что чувства — это химический мусор, который мешает эволюции.

Я откинулась назад, чувствуя холод металла спиной.

— Тот дом в Массачусетсе пах старыми книгами и формалином. Когда я чиркнула спичкой о коробок, я не чувство-

вала ненависти. Я чувствовала потребность в тепле. Знаешь, как красиво горит викторианская лепнина? Она плавится, как сахарная глазурь. Я сидела на снегу и слушала, как трещит дерево, и впервые в жизни мне не было холодно.

Кай не шевелился. Он стоял так близко, что я видела каждую черточку на его лице.

— Потом был «Блэквуд». Ты называешь это больницей, но для меня это была просто очередная клетка, только стены там были белыми, а не дубовыми. Психиатры пытались вылечить то, что сами же и создали. Они хотели понять, почему девочка, убившая свою семью, спит по ночам как младенец.

Я горько усмехнулась и провела рукой по воздуху, словно стирая невидимую пыль.

— А потом появился ты. Герой на белом коне, одетый в дешевый костюм федерала. Три года назад, в Бостоне, ты нашел меня над телами тех двух подонков, которые решили, что я легкая добыча. Ты должен был надеть на меня наручники. Это был твой звездный час, Миллер. Золотой билет в кресло начальника отдела.

Я подалась вперед, почти касаясь своими губами его губ.

— Но ты сделал кое-что совершенно нелогичное. Ты уничтожил улики. Ты выдумал для меня новую биографию, и устроил меня к своим «знакомым», которым всегда нужен был кто-то, кто не боится вида крови и умеет молчать. Ты превратил монстра в «чистильщика», Кай. Ты дал мне работу, где моя одержимость порядком стала профессией, а не диагнозом.

Я видела, как дрогнул его кадык. Он ненавидел это напоминание. Он ненавидел тот факт, что его безупречная репутация держится на лжи, которую он создал ради меня.

— Ты спас меня не из жалости, — прошептала я, и ирония в моем голосе стала острой, как бритва. — Ты спас меня, потому что увидел во мне свое отражение. Ты такой же сломанный, Кайден. Просто ты носишь значок, а я — резиновые перчатки.

Я соскользнула со стола и подошла к нему вплотную, положив ладонь на его грудь, прямо над сердцем. Оно билось ровно. Слишком ровно для человека, чей мир только что превратился в пепел.

— «Блэквуд» возвращается за нами. И на этот раз у нас нет спичек, чтобы всё сжечь. Что будем делать, детектив?

Глава 6. Кай

Я почувствовал ее ладонь на своей груди. Сквозь ткань рубашки жар ее пальцев казался клеймом. Вивьен была права — я не просто спас ее. Я совершил должностное преступление, которое каждый божий день смотрело на меня из зеркала, когда я завязывал галстук.

— Мы не сдадимся, — мой голос был похож на скрежет металла по камню. — Если мы пойдем в полицию, нас обоих раздавят. Тебя — как серийную поджигательницу, меня — как соучастника. Мы будем играть по его правилам. Пока.

Я отстранился, чувствуя, как в груди образовалась пустота там, где мгновение назад была ее рука. Мне нужно было расстояние. Безопасная дистанция от этой женщины, которая превращала мои мысли в кашу из пепла и ландышей.

— Я арендовал машину на чужое имя. Она стоит за углом склада. Обычный серый седан, максимально незаметный. Мы выезжаем через десять минут.

Вивьен фыркнула, поправляя воротник тренча с таким видом, будто я предложил ей прокатиться на мусоровозе.

— Серый седан, Кай? Серьезно? Ты хочешь, чтобы мой последний путь в Массачусетс выглядел как поездка за продуктами в пригороде? Где твой стиль? Где драматизм?

— Драматизм сейчас — это сидеть в камере размером два

на два метра, Вив. Так что бери свой саквояж и шевелись.

Я подошел к сейфу в стене, вытащил запасной пистолет и пачку наличных. Это был мой «тревожный чемоданчик» на случай, если прошлое все-таки постучит в дверь. Постучало. Громко.

— Нам нужно около пятнадцати часов, чтобы пересечь страну, — я обернулся, проверяя обойму. — Поедем по проселочным дорогам. Никаких камер на заправках, никакой оплаты картами. Для мира мы исчезли.

Вивьен подошла к двери, лениво покачивая бедрами. Она выглядела вызывающе спокойной, но я видел, как она сжимает ручку своего саквояжа. Это была ее единственная связь с реальностью — её инструменты.

— Пятнадцать часов в одной машине с тобой, Кай? — она обернулась на пороге, и тусклый свет склада выхватил её хищную улыбку. — Знаешь, я даже не уверена, что Кукловод страшнее, чем твои лекции о соблюдении дистанции и правильном перестроении на шоссе.

— Постарайся не убить меня по дороге от скуки, — бросил я, выключая мониторы. — Убийца ждет нас в Массачусетсе, и мне бы хотелось доехать туда в полном составе.

Мы вышли в сырую ночь Сиэтла. Дождь почти стих, оставив после себя только липкий туман, наползающий с залива. Я запер склад и бросил ключи в канализацию. Мостов назад больше не было.

Впереди был долгий путь через всю Америку — из города

стекла и дождя в город костей и старых тайн. Пятнадцать часов наедине с женщиной, которая сожгла свою семью и ни разу об этом не пожалела.

Когда мы сели в машину, она сразу потянулась к магнитоле.

— Даже не думай, — предупредил я.

— Ой, да ладно тебе, детектив. Если мы едем в ад, то под приличный саундтрек.

Через секунду салон наполнили тяжелые, ломаные ритмы гранжа. Я нажал на газ, и серый седан растворился в темноте, унося нас навстречу пожару, который, как выяснилось, так и не погас десять лет назад.

Глава 7. Вивьен

Дорога штата 90 расстилалась перед нами бесконечной серой лентой, разрезающей ночную тьму Монтаны. Кай вел машину так, будто от этого зависело спасение человечества — спина прямая, руки на «десять и два», взгляд прикован к асфальту.

Я откинула голову на сиденье и наблюдала за тем, как свет редких встречных фар выхватывает его острые скулы. В салоне пахло дешевым освежителем «Новая машина» и моим беспокойством.

— Ты ведь не спросил самого главного, Кай, — нарушила я тишину, перекрывая хриплый вокал из динамиков. — Ты до сих пор думаешь, что «Кукловод» — это просто какой-то обиженный на жизнь выходец из «Блэквуда», который решил поиграть в мстителя?

Кай даже не моргнул.

— Я думаю, что это психопат с комплексом бога и избытком свободного времени. Имена, Вив. Мне нужны имена тех, кто был там с тобой.

Я горько рассмеялась, глядя в темное боковое окно.

— В том-то и фокус, дорогой. В «Блэквуде» у нас не было имен. Были номера, были диагнозы, были «особенности развития». Но Кукловод... он был легендой, которой пугали даже нас, маленьких монстров. О нем шептались в коридорах, когда санитары уходили курить. Говорили, что он — любимый проект директора. Тот, кто научился дергать за ниточки чужого разума раньше, чем завязал шнурки.

Я замолчала, вспоминая холодные стены клиники.

— Никто никогда не видел его лица, всё, что тогда было известно — это только кличка «кукловод», но кем был этот ребенок или старик, неизвестно.

Кай на мгновение сильнее сжал руль.

— Если он такая «тень», почему он объявился именно сейчас? Спустя десять лет после пожара? Спустя три года после того, как я вытащил тебя из Бостона?

— Потому что до этого момента он нас... созерцал, — я повернулась к Каю, наслаждаясь тем, как по его лицу пробежала тень сомнения. — Он ждал, когда мы окончательно срастемся в этот нелепый дуэт. Детектив и его ручной зверь. Это ведь так поэтично, правда? Он не давал о себе знать, пока мы были по отдельности. Но это фото... оригами...

Я достала из кармана бумажную птицу, которую незаметно прихватила со стола Кая.

— Он прислал это не для того, чтобы напугать. Это приглашение на премьеру. Он объявился только сейчас, потому что сцена готова. Ты — закон, я — хаос. Мы — его идеальные марионетки.

Я развернула крыло бумажного ворона. В тусклом свете приборной панели буквы на полях справочника казались живыми червями.

— Он знает про нас всё, Кай. Каждую твою скрытую фантазию о справедливости и каждый мой ночной кошмар о запахе керосина. Фотография из твоего сейфа — это его способ сказать: «Я уже в твоей голове, детектив. Я уже переставил там мебель по своему вкусу».

— И что ты предлагаешь? — Кай мельком взглянул на меня, и в его глазах я увидела то, что он так тщательно скрывал. Настоящий, чистый человеческий страх.

— Я предлагаю сменить плейлист, — я нажала на кнопку, переключая трек на что-то более агрессивное. — И молиться, чтобы, когда мы приедем в Массачусетс, у него не закончились нитки. Потому что если Кукловод решит, что мы больше не интересны, он просто перережет их. А лететь вниз будет чертовски больно.

Кай ничего не ответил, но я заметила, как стрелка спидометра медленно поползла вправо, переваливая за отметку 90 миль в час. Мы не просто ехали. Мы неслись в пасть к существу, которое создало нас задолго до того, как мы встретили друг друга.

Глава 8. Кай

За окном проплывала Небраска — плоская, как кардиограмма покойника. Ночь превратилась в ту вязкую субстанцию, когда кажется, что машина стоит на месте, а под колесами просто прокручивается бесконечный холст черного асфальта.

Вивьен уже час молчала, уткнувшись лбом в холодное стекло. Ее отражение в окне двоилось, накладываясь на мелькающие огни редких бензоколонок, и в этом бледном свете она выглядела почти прозрачной. Настоящей. Без своего защитного слоя едкого юмора.

— Ты ведь не веришь в это дерьмо про марионеток, — мой голос прозвучал слишком громко в тесном салоне. — Никто не может контролировать двух людей на расстоянии десяти лет. Это не магия, Вив. Это просто очень хороший сбор данных.

Она не повернулась.

— Данные не заставляют людей причинять себе боль, Кай. Это делает убежденность. Если тебе внушат, что твоя кровь

— это ртуть, которая отравляет тебя изнутри, ты сам найдешь способ её выпустить.

Она наконец отлипла от стекла и посмотрела на меня. В ее глазах не было иронии — только бесконечная, выжженная усталость.

— Ты думаешь, что спас меня в Бостоне, потому что ты такой благородный? — она едва заметно усмехнулась. — Нет. Тебе просто нужно было что-то, что ты сможешь чинить. Ты же не можешь починить систему, Кай. Она гнилая сверху до низу. Поэтому ты выбрал сломанную девчонку и решил, что если отмоешь её от копоти, то твоя собственная жизнь обретет смысл.

Я сильнее сжал пальцы на руле.

— Ты сейчас пытаешься провести мне сеанс психоанализа за пять центов? Оставь это для Кукловода.

— Я пытаюсь сказать, что он знает тебя лучше, чем ты сам. Он прислал фото не в твой офис, а в твой личный сейф. Он не просто залез в твою квартиру. Он залез в твою гордость. Он знает, что ты не пойдешь к ФБР не потому, что боишься тюрьмы. А потому, что ты не вынесешь их жалостливых взглядов, когда они узнают, что идеальный Кайдэн Мил-

лер три года спал с уликой под одним одеялом.

Я резко ударил по тормозам. Машину занесло на обочину, подняв тучу гравия. Пыль окутала нас, отрезая от остального мира. Я заглушил двигатель. Тишина после рева мотора и гранжа была такой плотной, что её можно было резать ножом.

— Мы никогда не спали под одним одеялом, Сент-Клер, — я повернулся к ней, чувствуя, как внутри закипает что-то темное и тяжелое. — Я держал тебя на расстоянии вытянутой руки.

— О, правда? — она подалась вперед, и я почувствовал её дыхание — горькое, как миндаль. — А почему тогда ты сейчас здесь? В этой жестяной банке, посреди кукурузных полей, мчишься навстречу своей смерти? Ты мог сдать меня еще в Сиэтле. Сказать, что я напала на тебя. Тебе бы поверили. Но ты выбрал меня. Снова.

Я смотрел на её губы — тонкие, капризные, вечно готовые к очередному ядовитому замечанию.

— Потому что если я тебя сдам, — прошептал я, и моя рука сама собой потянулась к её шее, не сжимая, но просто фиксируя, — я останусь один в этом стерильном мире, кото-

рый ты так ненавидишь.

Она не отстранилась. Напротив, она накрыла мою ладонь своей — ледяной и тонкой.

— Мы оба психи, Миллер. Просто у тебя есть значок, который разрешает тебе носить пистолет, а у меня — достаточно ума, чтобы не попадаться. Кукловод не ведет нас. Он просто открыл калитку, и мы сами в неё вбежали.

Я отпустил её и снова завел мотор. Руки всё ещё подрагивали, и это бесило меня больше, чем любая угроза.

— Пятнадцать часов, — повторил я, глядя в лобовое стекло. — Постарайся больше не открывать рот до самой Айовы. У меня и так голова раскалывается.

— Как скажешь, детектив, — она снова откинулась на сиденье и закрыла глаза. — Но ты ведь знаешь... Самые громкие крики всегда происходят в тишине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.